

В. П. Цыпкайкина, Эрзя-мордовская глагольная диалектная лексика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1987.

9 ноября 1987 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присвоению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации В. П. Цыпкайкиной «Эрзя-мордовская глагольная диалектная лексика». Руководителем работы был профессор Д. Т. Надькин, официальными оппонентами — доктор филологических наук П. Аристэ и кандидат филологических наук М. В. Мосин.

Труд В. П. Цыпкайкиной состоит из введения и четырех глав. Во введении (с. 2—11) правильно констатируется, что до настоящего времени мордовские диалектологические исследования главным образом опирались на описание народной речи по категориям фонетики и морфологии. Богатейший лексический материал говоров еще специально не изучался, поэтому исследование В. П. Цыпкайкиной актуально, тем более что в нем разработаны также основные проблемы диалектной лексики и потребности лексикографии на основе богатого фактического эрзянского материала. Критически учитывая положения предыдущих авторов, она привела свои правильные принципы.

Основной целью автор поставила перед собой выработку принципов отбора диалектных глаголов в контексте порогов лексической релевантности. Верно проанализирована лингвистическая природа эрзянской диалектной лексики. Основными методами исследования служили сравнительный и сопоставительный, но применялись и иные по необходимости, например — при исследовании психических контактов и деятельности общения. В качестве источника работы использован главным образом материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций во многих населенных пунктах, где говорят на эрзянском языке. Учтены и материалы архивов педагогических и научных учреждений в Саранске, а также научные труды известных финно-угроведов. Новизна результатов состоит в том, что работа представляет собой, как уже сказано, первое специальное самостоятельное ис-

следование эрзянской глагольной диалектной лексики. Введено в научный оборот около 700 эрзянских глаголов, большая часть которых впервые зафиксирована. Впервые рассмотрены семантическое своеобразие эрзянских диалектных глаголов и их лингвистическая природа.

Эрзянская диалектная лексика до сих пор не изучалась в данном аспекте, поэтому разработанные автором методика исследования и теоретические положения могут быть использованы в будущем эрзянскими и мокшанскими диалектологами. Полученные результаты применимы при написании учебных пособий, а также при составлении диалектологического словаря и диалектологического атласа.

Автором правильно решена методика отбора эрзянской диалектной лексики с опорой на пороги лексической релевантности. Выделены все основные типы эрзянской диалектной лексики. Правильно исследованы и семантические образования диалектной лексики. На основе тематического принципа рассмотрены глаголы конкретного физического действия и психической деятельности и т. д. Методы отбора эрзянской диалектной лексики могут оказаться полезными в дальнейших исследованиях по диалектологии мордовских, а также других финно-угорских языков.

В первой главе (с. 12—41) проанализированы принципы отбора эрзянской диалектной лексики. Приведены данные о сущности диалектного слова и о порогах лексической релевантности. Автор пришла к выводу, что каждое диалектное слово должно иметь свою звуковую оболочку, определенное морфологическое строение и нести известное смысловое значение, а также иметь свое локальное распространение, с чем вполне можно согласиться. В работе доказывается, что эрзянские полисемичные слова, если они в говорах встречаются в отличие от литературного языка с иными значениями, имеют пороги лингвистической релевантности и являются самостоятельными единицами. Например, лексема литературного языка *лив-тямс* 'лететь, вылететь' в говорах имеет,

кроме того, значения 'упасть сверху, угрожать выгнать кого-то'. Наряду с расширением семантического объема глагола происходит и его сужение.

Фонетическому строю эрзянского языка в аспекте порогов лексической релевантности посвящен обширный раздел (с. 25—35). В фонемном составе диалектного слова, по сравнению с литературными, имеются различия, целесообразно проанализированные по следующим группам, которые связаны с порогами: сохранение/отпадение первого слога слова (*сустамс* 'шить, сшить' — *стамс*), качество огласовки первого слога слова (*сувамс* 'войти' — *совамс*); качество огласовки непервого слога слова (*вельмемс* 'ожить, воскреснуть' — *вельмамс*); изменения в составе согласных (*тергемс* 'звать, позвать' — *тердемс*) и т. д. Описывая эти фонетические явления, автор привела свои новые данные и дала критический обзор уже имевшихся исследований о регулярных и нерегулярных фонетических особенностях разных эрзянских диалектов, ставших основой генетических разнообразий лексикализованных явлений.

В этой главе имеется и раздел о морфемном составе и морфологической структуре глагольной основы в аспекте порогов лексической релевантности. Приведены данные о том, как диалектные слова отличаются от соответствующих эквивалентов литературного языка, например — наличием разных корней (*анамс* 'просить' — *вешемс*), использованием различных словообразовательных суффиксов (*кеž-ija-мс* 'разгневаться' — *кеждемс*) и т. д. В особую группу выделены диалектные слова, не имеющие точного эквивалента в литературном языке. Автор назвала их изолированными диалектизмами.

Во второй главе (с. 42—101) приводится обзор эрзянской диалектной лексики с опорой на пороги лексической релевантности. В первом разделе анализируются диалектизмы в виде несоответствия основного значения слова. Одну группу составляют диалектизмы, возникшие на основе переосмысления общеэрзянских (общемордовских) слѳв: *пицемс* 'обжечь (пальцы и т. д.)' — 'обмануть, надуть', *моравтомс* 'заставить пропеть, пропеть отходную, отпеть' — 'читать', *капиамс* 'торопиться, спешить' — 'хватать'. Вторую

группу составляют диалектизмы, возникшие вследствие сохранения словами старых значений, утраченных теми же словами в литературном языке: *лавгамс* 'болтать, говорить неправду' — 'лакать', *норгамс* 'ударить, стегнуть' — 'украсть, забрать с силой, отобрать'. В третью группу входят диалектизмы, возникшие вследствие фонетического совпадения при различном смысловом развитии их в говорах и в литературном языке: *сормсемс* 'сморщивать' — 'спрашивать'. В общем примеры переданы фонетически и орфографически правильно, но имеются и некоторые ошибки. Эстонское соответствие эрз. *нуртямс* 'наливать в сосуд' — 'плакать' не *noretama*, а *nõretama* 'протекать'. Здесь уместно отметить и некоторые другие неточности: фин. *pūsku* 'свист' вместо *piisku* (60), эст. *siritama* 'растягивать, растянуться' и т. д. вместо *sirutama* (60), эст. *peksä*, фин. *pieksa* 'молотить' вместо *peksa-*, *pieksä-* (65) и т. д. В этом же разделе проанализированы диалектизмы с порогами лексической релевантности в виде сужения семантического объема слова. На с. 58 имеется таблица всех способов образования семантических диалектизмов.

Во втором разделе этой главы описывается эрзянская диалектная лексика с лексикализованными фонетическими особенностями, которые связаны с отпадением/сохранением первого слога слова (*шнамс* 'хвалить' — *kišnamс*). Далее приведены особенности в огласовке первого слога слова (*ловомс* 'считать, сосчитать' — *luvoms*). Данное явление, по мнению автора, сложилось под влиянием мокшанского субстрата, как и некоторые другие диалектные особенности эрзянского языка. Подробно, на базе многих примеров рассмотрены лексикализованные особенности дифференцированной глагольной основы, т. е. *a*-овая основа в противовес не-*a*-овой (*вельмемс* 'ожить, воскреснуть' — *velmams*). Рецензент приводит именно этот пример, поскольку здесь даны и соответствия из эстонского языка (*velmata*, у автора *velma-*, с. 65). Упомянутое эстонское слово — позднее заимствование из эрзянского языка. В разделе об исчезновении и позднем появлении начального *j*- констатируется, что в таких йотированных вариантах, как *a jaran* 'не встану', *a jortan* 'не брошу, не кину', *j*

может быть реликтовой формой употребления глаголов с отрицательной частицей *-a*. Был бы желателен в будущем дополнительный анализ этого интересного явления. В подразделе о диалектизмах с наложениями порогов лексической релевантности фонетического порядка правильно показано, насколько разнообразна генетическая природа лексикализованных особенностей.

В разделе об эрзянских диалектизмах с релевантными различиями на морфемном уровне (с. 72—101) целесообразно проанализированы диалектизмы в виде разных корней, разных словообразовательных суффиксов, производности/непроизводности лексической основы и несоответствий компонентов в лексических словосочетаниях, а также изолированные диалектизмы. Большой пласт составляют диалектизмы в виде разных корней и изолированных диалектизм, не имеющие эквивалентов в литературном языке. На с. 100—101 приведена таблица количественной характеристики эрзянской диалектной лексики в зависимости от порогов лексической релевантности.

В третьей главе (с. 102—119) рассматривается семантическое своеобразие глагольной эрзянской диалектной лексики с точки зрения стилистической дифференциации и семантической классификации. Доказывается, что характерной особенностью эрзянских глаголов является экспрессивность, главным образом с отрицательной окраской. Она выражается с помощью лексико-морфологических и лексико-семантических средств. Среди экспрессивных слов велик процент описательных, образованных на базе мимем и звуко-символов. Экспрессивность связана также с метафорическим переносом. Подробно рассмотрены глаголы конкретного физического действия, психической деятельности, эмоционального состояния, эмоционального отношения, мышления и т. д.

Четвертая глава (с. 120—148) посвящена лингвистической природе эрзянской диалектной лексики. В ней рассматривается словообразовательная структура глаголов-диалектизм на основе структуры производного глагола и ее составных частей — суффиксов и мотиваторов. Проанализированы диалектизмы, образованные от мимем, общеэрзянских и заимствованных корней, а также диалектизмы с

исторически затемненным корнем. Здесь уместно констатировать, что автор придерживается интерпретации мимема — знаменательное слово. Поскольку финно-угорские языки имеют богатую эмоционально-экспрессивную лексику, в работе коротко, но продуманно приведены данные предыдущих исследователей. Некоторые из них (например Б. Серебrenников) утверждают, что могут быть звуко-подражательные слова, но нет особых звукоподражательных суффиксов. В. П. Цыпкaiкина доказывает все-таки, что такие суффиксы в эрзянском языке имеются, например, с помощью суффикса *-ad-* образуются однократные глаголы от ономапотических слов со значениями 'удар', 'хлопок', 'грохот', 'щелчок', 'прыжок' и т. д. Приведено большое количество диалектизм, образованных с помощью различных суффиксов от общеэрзянских корней. Эти диалектные слова весьма важны для изучения образования финно-угорских глаголов. Они приведены в табл. 3 (с. 141—142).

Исконно установленные русизмы вошли в лексическую систему говоров. Вновь вошедшие русские слова могут вытеснить эрзянское слово, например вместо *прядомс* 'закончить' употребляется *končams*.

В заключении (с. 143—148) дается общий обзор диалектизм и определения диалектного слова через пороги лексической релевантности.

В конце исследования приведены список сокращенных названий эрзянских говоров и обширная библиография. Она составлена аккуратно, только в названиях с латинским шрифтом встречаются опечатки. Работу дополняют приложения (с. 164—218). Составлены хорошо оформленные карты местности, где собран диалектный материал, с диалектными коррелятами (с. 167—181) и полный реестр эрзянской диалектной лексики (с. 182—194), а также словарь основных значений диалектной лексики.

Работа В. П. Цыпкaiкиной представляет собой законченное исследование и является серьезным вкладом в изучение глагола эрзянского и вообще финно-угорских языков. В ней разработаны принципы отбора диалектных глаголов в контакте порогов лексической релевантности. Исследование дает возможность утверж-

дать, что лексический состав эрзянских говоров обнаруживает целый ряд особенностей, отличающих их от литературного языка. Предлагаемая методика, а также обработка и систематизация глагольной

диалектной лексики могут оказаться полезными в дальнейших исследованиях эрзянского языка, а также в развитии эрзянского литературного языка.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

Г. А. Некрасова, *л-овые падежи в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.*

9 ноября 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Галины Александровны Некрасовой «*л-овые падежи в коми языке*». Работа выполнена под руководством профессоров А. Кюннапа и П. Альве. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А.-Р. Хаузенберг (Таллин).

Специального системного анализа *л-овых падежей коми языка* до сих пор сделано не было и нерешенных проблем в этой области достаточно. Интерес представляют такие вопросы, как время появления *л-овых падежей*, связи между соответствующими падежными группами прибалтийско-финских, марийского и пермских языков, причины, обусловившие определенное сходство в структуре падежей и различия в функциях. Весьма поверхностные сведения привлекаются при рассмотрении семантики падежей, поскольку эта сфера практической не исследована. Расплывчата и картина употребления альтернативных падежных форм, удовлетворительных рекомендаций по использованию падежей нет ни в школьных учебниках, ни в грамматиках научного направления. Наиболее обстоятельное на сегодня исследование падежной системы коми языка — опубликованная в 1985 г. работа Р. Бейкера «*The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*» — не заполняет целиком пробел в изучении *л-овых падежей*. Эта работа опирается на доступный автору, т. е. опубликованный в печати, диалектный материал. Автор анализирует отдель-

ные спорные вопросы с учетом падежной системы как единого целого, приводит новые положения о существенной роли одушевленности и определенности в коми склонении, освещает основные критерии отграничения падежных морфем от послелогов. Цели исследований Бейкера и Некрасовой различны. Г. Некрасова исходит из современного литературного языка, но принимает в расчет и диалектные особенности. Ее тоже интересуют происхождение падежей и тенденции их развития, но при рассмотрении этих вопросов основной упор делается на семантику. Ее цель — дать полный и системный анализ семантики *л-овых падежей* и характеристику функционального развития их в синхронии. Тем самым работы Бейкера и Некрасовой не повторяют друг друга, актуальность темы, выбранной Некрасовой, сомнений не вызывает.

Структура и объем глав исследования соответствуют поставленным задачам.

В предисловии автор дает обзор выполненных до сих пор работ по падежам коми языка, достижений и недостатков их. Предисловие содержит и другие моменты — информацию о примененных методах, привлеченных источниках, об использовании результатов работы и апробации их. Поскольку название «*коми язык*» употребляется в двух значениях, в интересах большей точности можно было указать, что здесь оно идентично наименованию «*коми-зырянский язык*».

Первая глава (30 с.) посвящена происхождению и развитию *л-овых падежей*. Естественно, в центре внимания автора оказались *л-овые падежи прибалтийско-финских, марийского и пермских языков*. Автор поддерживает точку зрения, согласно которой источником *л-ового коаффикса* является древний словооб-